

Вл. САМОЙЛО

Александр Блок. Основные мотивы поэзии

(отрывки)

Королева, Королева — больна.

Ал. Блок

Творчество Достоевского — громадный, неисчерпаемый романтический океан русской национальной души, целое море Gemüth'a¹, в котором заключены все обломки, обрывки прошлого, все зародыши, надежды будущего, все неосуществившиеся возможности, все порывы, все попытки их осуществления.

Достоевский — первый истинный русский романтик в полном значении этого слова.

Романтический Gemüth — истинное лоно реализма, родина действительного мира, и, конечно, на этом основаны те изумительные прозрения, «пророчества» Достоевского, которые поражают каждого, изучающего его творчество.

Сегодняшней наличностью потенциальных энергий в значительной мере определяется завтрашний день нации, лишь с политической поправкой на то «непредвидимое», которое определяется внешним положением нации.

Все ошибки в политических предсказаниях Достоевского, на которые столько раз указывалось, нужно отнести на счет этого политически-непредвидимого.

Где нет органического закона, где нет развития изнутри, — там не может быть политических предсказаний.

И не в этой области силен Достоевский.

Поражают его пророческие прозрения, отражающие наличность национальных потенциалов, поражает то море национальных загадок, отгадок, человеческих схем, силуэтов, набросков, символов, теней, «миражей» прошлого, призраков, намеков будущего, — которые живое национальное время — «durée» Бергсо-

на², с таким трудом разворачивает в действительную жизнь, развивает свой свернутый свиток, урезывая и искажая, осуществляет, воплощает, облакает плотью и кровью, придавая им конкретные формы настоящего.

Такой мистической связи национально-исторического целого, которой мы все связаны, отрицать, думать, нельзя, и теперь это становится все яснее и яснее.

В этом одно из важных следствий нашего новейшего мистицизма и романтизма.

И у нас, как и в Западной Европе, результатом романтических экскурсий является исторический, национальный характер политической мысли широких слоев нашей интеллигенции.

И эта важная органическая эволюция нашей общественной мысли, еще только намеченная, но быстрым темпом неотразимо захватывающая нашу интеллигенцию, лишая ее прежнего энциклопедического, космополитического характера, быть может, стоит того, чтобы мы за нее заплатили всеми ужасами политического краха, с которым все равно нужно же примириться, всеми безобразиями, крайностями и извращениями нашего романтизма — совершенно неизбежными после глубоких кризисов общественности.

Пусть цена дорога, даже непомерно, трагически дорога, но что же делать? — с прошлым нельзя торговаться, у истории цены «с прификсом», как выражался гоголевский «негоциант»...

В предлагаемых заметках о поэзии Блока, которым мы еще далеко не придали желаемой законченности, мы хотим прежде всего указать на поразительный пример такой материализации одной из человеческих схем Достоевского.

Вспомните фигуру Тришатова в замечательном романе «Подросток».

Фигурой Тришатова предсказано появление поэзии Ал. Блока.

Та «опера», о которой так мечтал, но которой не мог написать Тришатов³, написана Ал. Блоком.

Мы не будем приводить целиком этих замечательных строк, отсылая читателя к роману, из которого берем только следующую цитату.

«...Сумасшедший этот старик и эта прелестная тринадцатилетняя девочка... после фантастического их бегства и странствий... приютились, наконец, где-то на краю р о д и н ы... * близ какого-то готического средневекового собора...

* У Достоевского: А н г л и и, ибо образ взят им из романа Диккенса.

И вот раз закатывается солнце, и этот ребенок на паперти собора, вся облитая последними лучами, стоит и смотрит на закат с тихим задумчивым сиянием в детской удивленной душе, как будто перед какой-то загадкой, потому что и то и другое ведь как загадка — солнце, как мысль Божия, собор, как мысль человеческая...

Бог такие первые мысли от детей любит...

А тут, подле нее, на ступеньках, этот сумасшедший старик-дед глядит на нее остановившимся взглядом»...⁴

Загадка русского солнца и загадка русского собора, как «мысль Божия и мысль человеческая», — вот главное содержание, первая и последняя мысль полудетской женственной души нашего поэта, удивленной, изнуренной этой громадной, непосильной для нее, задачей.

Эту загадку жизни своей живой историей если не разрешил, то устранил в ее неразрешимой форме на Западе католицизм; у нас ее решали одиноко; раздробленные души, жаждавшие веры сердца, решали ее, не живя, а созерцая, не участвуя деятельно в истории, а томясь — «тоскуя и любя»⁵.

Эту загадку у нас разгадывали большие взрослые люди, великие умы, горячие сердца, гениальные таланты; ее решали у нас еще верующие Гоголь и Тютчев, затем мистики Достоевский и Вл. Соловьев, — и не могли решить.

Теперь та же загадка всею своею тяжестью, остротой и неотложностью легла на полудетские плечи их современных преемников, уже почти чистых психологов Андреева⁶ и Блока.

Вот, по нашему мнению, место Ал. Блока в нашей литературе; вот в какой глубокой органической связи стоит он с традициями нашей религиозно-философской поэтической мысли. Только на фоне Андреева — вполне понятен Блок.

Мужское начало правдивее, ярче всего представлено у нас в современной литературе Андреевым, женское — Блоком.

Там, где мужское начало старчески-бессильно, детски-изнурено, углублено в себя, не видит мира, лишено движения, там одна надежда на начало женское, на то, что оно оживит, омолодит, просветит, возродит угасающую жизнь в мире.

Помните приводимый Плутархом египетский миф об Изиде, разрезавшей сросшиеся от рождения ноги отрока Озириса, вернувшей ему способность движения, научившей его ходить и любить⁷.

Этот миф очень характерен для переживаемого нами теперь времени.

Мы ждем чуда Изиды, и это ожидание находит свое выражение в поэзии Блока.

Ал. Блок — поэт традиции по преимуществу и притом традиции католической, общечеловеческой.

«Historia» человеческой души и притом «поздних времен», традиция романтического Gemüth'a, готическая легенда — входят важным элементом в его созерцания русской действительности.

И на это, как увидим, есть достаточное основание.

С русской традицией, как сказано, связывают его Вл. Соловьев и Тютчев, а образ Мадонны ставит его в самую интимную связь с эпохой Возрождения, а отсюда — со всем последующим развитием человечества, на которое этот образ имел такое громадное влияние.

Свою Мадонну Блок называет «Прекрасной Дамой». Образ «Прекрасной Дамы» — вся сущность поэзии и мирозерцания Блока.

«Прекрасная Дама» — истинная душа вселенной, тайный «белый огонь», заключающийся в глубинах мира, природы и человека.

Белая Ты, в глубинах несмутима,
В жизни строга и гневна.
Тайно тревожна и тайно любима,
Дева, Заря, Купина⁸.

Это — вечная, «несмутимая», «невозмутимая» сущность всей мировой жизни, ее свободный закон — Божество.

Мир вечно горит этим «белым огнем» и не сгорает, как неопалимая купина⁹.

Этот «белый огонь» — любовь, творящая из «безмирного хаоса» мир, жизнь, гармонию.

Эта любовь — живая связь мира: женственной лаской, а не цепью принуждения связывает она «частицы и частицы частиц» мирового хаоса.

Эта любовь — абсолютно чиста и беспорочна в глубинах, ибо лишена всякого противоборства, трения, борьбы.

Мужское начало борьбы, протеста, злобы, упрямой воли, усилья, труда, скорби — абсолютно упраздняется этой лаской

женщины, и вновь восстанавливается единство и гармония в мире.

В глубине мира — белый цвет — высшая и полная гармония всех цветов, звуков и сил.

Это — чистая небесная механика живых, строго расчисленных, но совершенно свободных светил, горящих атомов мира, где царствует полная святость высшего синтеза свободы и необходимости.

Все напряженное, темное, злое, ищущее исхода, разрешения, покоя; все разноголосое трение мировых осей и частиц — разрешены, идеально гармонизированы в святую музыку белого цвета.

В своей глубине мир оправдан весь присутствием в нем Прекрасной Дамы; он весь должен покориться и покорится женственно-неотразимой ласке «Вечной Жены», живой белизне идеала, живому христианству Мадонны.

Мир свят, ибо он «храм», «терем» Мадонны.

В глубине мира — истинное царство Божие, *civitas Dei*¹⁰.

Этой нежною, юной, «тайно-тревожною» любовью, этим «белым ласковым сном» созерцания — «живет и дышит» Блок, этот неудавшийся Блаженный Августин нашей поэзии.

Мир свят — вот те «первые мысли», первые слова юного поэта — миротворца, «которые так любит Бог».

Мы знаем, как долго и бесплодно проливалась ко гробу Господню вся средневековая крестоносная юность, вся живая энергия рыцарства, пока средневековый г о р о д не принял в себя, не воскресил по-своему Христа, не создал для себя новой религии, новой формы для христианского божества — стойкой, живой и прекрасной, могущей жить в мире сем.

Только городскими стенами, городским мирным трудом и богатством была в Европе закрыта от человеческого глаза та христианская бездна, в которую бесследно уходили лучшие юные силы народов.

И истинным божеством н о в о г о города стал не Христос, а Мадонна.

Связав образом божественной красоты старый «город» с новым, Мадонна стала сходить с небес на землю, воплощаться и вочеловечиваться в нем, не страдая и не уходя из мира сего.

Это обстоятельство необходимо иметь в виду при изучении поэзии Блока.

Вот в каком, как увидим и далее, смысле можно назвать и Блока поэтом города.

Ведь это рождение нового города в европейском смысле слова — центральный факт нашей современной действительности.

Проблема «города» — центральная в творчестве Блока.

Мировоззрение его центростремительное, концентрическое, и это выгодно отличает его поэзию от анархической поэзии наших крайних индивидуалистов.

Преодолевать индивидуализм ему не приходится.

Его Мадонна сама «нижет и в нити вяжет» свой человеческий «жемчуг»¹¹, слагает свои кристаллы «белого огня».

Эти грани, как грани брильянта, — идеальный сосуд, в котором алмаз должен сохранить всю свою первозданную свободную игру божества.

Эти грани в человеке, как равно и в целом «городе», — то, что мы называем красотой, — такая идеальная форма, такой сосуд для этого «белого, огня», которые несколько не ослабляют его первоначального жара, не понижают той высшей температуры божества — любви, температуры зачатия и творения Богом мира. Вот как религиозно, идеально ставит Блок проблему своего «города».

От великого «Зодчего» вселенной осталась у Блока «дочь Зодчего»¹², строящая мир «не древним разумом, а любовью».

Эта общая сущность мира и человека — истинное основание не только «города», но и будущей всемирной «белой церкви» Мадонны, — когда «нежно-белыми словами будет кликать брата брат»¹³. «Пламенно смыкая бесконечные круги»¹⁴ вселенной, Прекрасная Дама творит «город», а прекрасные города, как говорит и Роденбах¹⁵, уже сами творят прекрасные души. Атрибуты «города» — «грани», «ограды», «терема», «храмы», «колонны», «ризы», «карнизы», «церкви» — глубоко характерны для поэзии Блока.

И именно в этом истинном смысле слова, а не в том внешнем, в каком употребляет его Чуковский, Блока действительно нужно назвать поэтом города¹⁶.

Город — истинный храм Мадонны, в нем должно совершиться дело Мадонны, чудо Изиды: примирение старого с новым, возрождение нашего изнуренного мужества.

И ожидание этого «прекрасного города, рождающего прекрасные души», истерически-страстное у нас теперь чаяние этого нового «терема», нового «собора» для нас — один из важнейших мотивов Блока, тесно связанный, как мы видим,

с центральным образом его поэзии, с образом «Прекрасной Дамы», образом «Вечной Весны».

Послушайте его «Молитву».

Сторожим у входа в терем,
Верные рабы.
Страстно верим, выси мерим,
Вечно ждем трубы.
Вечно — завтра. У решетки
Каждый день и час
Славословит голос четкий
Одного из нас.
Воздух полон вздыханий,
Грозových надежд.
Высь горит от несмыканий
Воспаленных вежд.
Ангел розовый укажет,
Скажет: — Вот она.
Бисер ниже, в нити вяжет
Вечная Весна.

Образ Мадонны дал греческую плоть и римскую крепость бесплотному христианству, дал идеалу святости ту красоту и силу, то радостное человеческое лицо, без которого живой Христос не мог оставаться в мире, а неизбежно уходил, проливаясь из мира сего в бездну, прожигая, как жидкость алхимиков, и увлекая за собой юные искренние, лучшие сердца верующих.

Мадонна дисциплинировала красотой аскетический анархизм христианства, поставив ему человеческие границы.

Образ Мадонны спас католической Европе ее юность, энергию, красоту и радость жизни.

Мадонна спасла Европу от страшного, неотразимого зова Христа, от нравственного насилия Его проповеди.

Мадонна спасла западноевропейский мир от той гегемонии старости, диктатуры старчества, которые неизбежно устанавливаются на земле этим христианским «снятием» юности, этим страшным отбором нищих духом, живую любовью и волею — культом мертвого Христа.

И вот то, чего избежала Европа, по-своему воскресив Христа, постигло со всею тяжестью своих последствий нас...

Единственная человеческая форма, способная, оставаясь в мире, хранить в себе Христа, — старость.

И мы приходим к общей религиозной формуле нашего русского мира, наложившей свой страшный отпечаток на все наше творчество, жизненное и литературное.

Учение о любви Христа есть истинная сущность мира, принцип организации человечества в высшей божественной жизни, — абсолютное содержание человека и человечества (С. Н. Трубецкой «Учение о Логосе»)¹⁷.

Наш Христос еще до сих пор у нас — в той абсолютной форме, которая может воплотиться и жить на земле только в старчестве.

Мы еще не воскресили мертвого Христа.

Отсюда просто страшный вывод, увы, оправдываемый всей нашей историей и литературой: наше начало религиозной организации — принцип жизни и общежития — старческое, бесильное, отрешенное от жизни, смотрящее уже в мир иной.

Другими словами, наше начало организации неспособно организовать; из старческого бессилия оно уклоняется от своей истинной задачи и сущности.

Оно существует как пустые слова, как мертвая закваска, как невсхожее зерно, в котором умер зародыш, — как соль, которая обугляла.

Отсутствие Мадонны, которая может жить и в молодом и в зрелом сердце, лишило истинного смысла жизни — неразрывной внутренней связи с нравственно солидарной жизнью целого — всю нашу юность, все наше мужество. Этим разорваны те святые «нити» любви и традиции, которыми связываются «отцы и дети», старое с новым.

Этим дана страшная, непобедимая сила старости.

В «Зодчем Сольнесе» Ибсен показал нам, как легко и просто в новом «городе» свободной конкуренции Мадонна очищает жизнь от зажившейся в ней старости, освобождая место юным чертежникам и строителям будущего.

И вот этой свободной конкуренции — первого условия для оживляющего действия «Вечной Весны» — нет у нас.

У нас старчество имеет какую-то внешнюю поддержку и подпорку, выбить которую любовью или... иначе — наша первая задача.

У Блока слишком много кровного и дорогого в старом, и для него вопрос должен быть решен примирением.

При существовании этой поддержки весь вопрос нашего нынешнего возрождения сводится к подновлению, моложению старчества — кровью юности¹⁸.

Отражение этого общего явления нашей современной действительности можно найти повсюду в творчестве Блока.

В «Короле на площади» в замечательном диалоге поэта с Дочерью Зодчего последняя говорит:

Знаю великую книгу о светлой стране,
Где прекрасная дева взошла
На смертное ложе царя
И юность вдохнула в дряхлое сердце.

И тоскующему, маловерному поэту говорит:

Будь верен душой королю.
К вечеру будешь свободен¹⁹.

Она же, Дочь Зодчего, говорит далее дряхлому королю:

Король! Грядущее в руках моих. Твой народ передал мне твою власть над собою.

Молчание.

Король! Во мне довольно силы, чтобы сейчас сразить тебя.

Никто не заплачет над твоим старым прахом, если исполнится моя воля.

*Молчание. Голос становится ярче и тревожнее,
как в последний раз вспыхнувшийся костер.*

Король! Я не хочу убивать тебя. Если ты угаснешь, угаснет и та узкая полоска зари.

Я могу больше, чем угашать свет. Я возвращаю тебе прежнюю силу и отдаю тебе прежнюю власть.

Вот — я отдаю тебе мое нетронутое тело, Король!

Бери его, чтобы от юности моей вспыхнула юность в твоём древнем разуме»²⁰ и далее см. с. 106.

Романтический гений поэта, точно и правдиво отражающий действительность без всяких «поучений жизни», оказывается, как и гений Гейне, монархистом...

Такой же примирительной, консервативной, как политика, оказывается у Блока и романтическая природа.

Борьбы весны с «колдуном» зимы — весны как революции, — у Блока нет.

В одном стихотворении говорится, как

Весной непомерной взлелеяны
Поседелых туманов развалины.

В другом —

Колдун укачал весну.

Или еще — о той же весне —

Там в березовом дальнем кругу
Старикашка сгибал из березы дугу.
И заметил ее на лугу.

Закричал и запрыгал на пне:
Ты, красавица, верно, ко мне!
Столковалась в своей тишине!

За корявые пальцы взялась,
С бороною зеленой сплелась
И с туманом лесным поднялась...

Так тоскуют они об одном,
Так летают они вечерком,
Так венчалась весна с колдуном²¹.

О чем они тоскуют, говорит другое стихотворение, указывающее на то, что сулит победа «старого короля», «колдуна», «бродящей вокруг старости», «креста» над юностью, над Мадонной — «веселой невестою» мира.

Она веселой невестой была.
Но смерть пришла. Она умерла.

И тихая смерть погребла ее тут,
Но церковь упала в зацветший пруд.

Над зыбью самых глубоких мест
Плывет один неподвижный крест.

Миновали десятки и сотни лет,
А в старом доме юности нет.

А там, где юность устала ждать,
В зеркалах осталась старая мать.

Старуха вдевает нити в иглу.
Тени нитей дрожат на светлом полу.

Тихо, как будет. Светло, как было.
И счет годин старуха забыла.

Как мир, стара, как лунь, седа, —
Никогда не умрет, никогда, никогда.

.....

И те же нити, и те же мышцы.
И тот же образ смотрит из ниши —

В окладе темном — темней пруда,
Со взором скромным всегда, всегда...

Давно потухший взгляд безучастный,
Клубок из нитей веселый, красный.

И глубже, глубже покоев ряд.
И в окна смотрит тот же сад —

Зеленый, как мир, высокий, как ночь,
Нежный, как отошедшая дочь.

— Вернись, вернись. Нить не хочет тлеть.
— Дай мне спокойно умереть²².

Вот до чего может прийти старый мир, погубивший юность, «остановив маятник» живого времени, не впустив в Церковь «веселой невесты», — старый мир, в котором «жемчуг ниже, в нити вяжет» не «вечная весна», не молодая, а старая Парка.

Там, где рано гибнет юность, старость не может умереть спокойно...

Тебя скрывали туманы,
И самый голос был слаб.
Я помню эти обманы,
Я помню, покорный раб.

Тебя венчала корона
Еще рассветных причуд.
Я помню ступени трона
И первый твой строгий суд.

Какие бледные платья!
Какая странная тишь!
И лилий полны объятья,
И ты без мысли глядишь...

Кто знает, когда это было,
Куда упала Звезда?
Какие слова говорила,
Говорила ли ты тогда?

Но разве мог не узнать я
Белый речной цветок,
И эти бледные платья,
И странный, белый намек?

И вот, Мадонна как будто хочет войти к нам в мир, в наш «собор».

Но это все еще лишь поэтическое «введение во храм», а не то вхождение во славу и сиянии, о котором мечтает Блок.

Когда эта «королева», венчанная короной, сидевшая на троне, творившая властный, «строгий суд», — когда эта королева является к нам, то поэт не может не узнать ее...

Но какая же разница — какие у ней здесь «бледные платья!» Где ее чудесная власть? Где те ее «слова», которые она говорила тогда... Только «странный», бледный намек на прежнюю «Владычицу вселенной» остался нам... Но что же делать? — и поэт

хранит и этот «белый цветок» легенды, оставшийся от Мадонны, — как святыню.

Он хранит в душе этот «намеки», этот неуловимый, «исчезающий свет», словно «бледные в прошлом мечты», он хранит отрывки «неведомых слов», эти «отклики прежних миров»...

Он хранит лишь порой в памяти воскресающими, если не в душе всегда живыми, — эти черты лица прежней живой Мадонны. И он ждет, что «отворится дверь» храма, — и эта настоящая — та прежняя Мадонна с «того берега», — появится у нас и «засмеется» на нашем берегу. Он ждет, что она «пройдет» по нашим «церковным ступеням», «озарит» их своим живым сиянием, сойдет к нам вниз по ним божественными стопами, тронет «холодный камень», который «ждет ее шагов»...

Бегут неверные дневные тени,
Высок и внятн колокольный зов.
Озарены церковные ступени,
Их камень жив — и ждет твоих шагов.

Ты здесь пройдешь, холодный камень тронешь,
Одетый страшной святостью веков,
И, может быть, цветок весны уронишь
Здесь, в этой мгле, у строгих образов.

Растут невнятно розовые тени,
Высок и внятн колокольный зов.
Ложится мгла на старые ступени...
Я озарен — я жду твоих шагов.

Этот камень жив: «каждый камень живой», говорил еще Тютчев. Он только одет «страшной святостью веков» — бессилием мертвого обрядовения; он загнипнотизирован, зачарован ликами «строгих образов»...

И поэт ждет, что Она, пройдя, «уронит» здесь, у наших «строгих образов», — живой «цветок весны», цветок возрождения, мистическую розу Мадонны...

Только юная богиня Рима, чистая молодая Дева весны, не побоятся этой «ветхой позолоты», этой каменной «строгости» наших образов; она одна может оживить наше византийское старчество...

Поэт «озарен» надеждой и «ждет ее шагов»...

Конечно, былой Мадонны Рима, Владычицы вселенной, воскресить уже нельзя.

От религиозной эсхатологии католицизма этот образ прошел через стадию философского мистицизма романтиков и ныне мо-

дернизован новейшим романтизмом, напр<имер>, у Метерлинка, уже религиозно-психологически.

Из живого догмата веры через мистически-углубленное ощущение его внутреннего смысла и сущности образ Мадонны стал легендой в поэзии, конкретным воплощением в живой женщине.

Упав с неба, Мадонна разбилась на миллион осколков, которые были со скорбью под «песню сатаны» погребены в недрах человеческого сердца и воскресают на земле, восстанавливая живую форму былой Царицы Небесной, уже как чисто человеческую.

«...И раздастся восторженный, ликующий всеобщий возглас: Hossanna! — как крик всей вселенной»...²³

Так хотел закончить свою «оперу» неудавшийся мальчишко-композитор Тришатов у Достоевского.

Не удалась еще эта «опера» с ее апофеозом и Блоку.

Эта долгая, вековая эволюция образа Мадонны вся совмещается в творчестве Блока; ее отдельные звенья смешиваются, переплетаются, образуя своеобразную, весьма характерную для нашего внутреннего мира, для русской современной души поэзию.

В этом смысле Блока нужно назвать поэтом легенды по преимуществу.

От Богоматери католицизма через Богоматерию Вл. Соловьева к живой настоящей женщине — матери, жене, сестре — вот кратко эволюция Блока.

Всех перипетий этого превращения, глубоко интересных психологически, мы касаться не будем.

Скажем только, что здесь «белый цвет» Богоматери разлагается на целую «радугу» (см. у Городецкого) цветов человеческого спектра.

Белая душа мира, воплощаясь, приобретает все свойства живой, текучей, многокрасочной, разнообразной жизни. Помните — в «Незнакомке», — упавшая с неба звезда, превращаясь в Марию, потом в «Мэри», прежде всего ощущает чисто земную страсть.

Она сейчас же задает «голубому» поэту чисто земной вопрос: — Ты хочешь меня обнять?

И дальше:

— Ты знаешь страсть?..

И очень быстро, не получив ответа от чересчур «голубого» поэта, павшая звезда Мария «уходит с господином» довольно дурного тона неизвестно куда...²⁴

Синтез Мадонны и блудницы — первая задача живой женщины.

Об изменчивости, непостоянстве воплотившейся в женщине мировой души говорит Колумбина в «Балаганчике».

Покорная, как «павилика» под «белогрудым, усталым конем» «жениха», «князя», повелителя, она вдруг превращается в злую, неуловимую, жестокую, ядовитую змею, и «князь», топтавший ее «усталым конем», вдруг превращается в «раба», верного «черноокой змеиной красоте»...²⁵

Пестра, многогранна, многоцветна душа мира, как и сама жизнь, как живая женщина.

Для Блока характерна никогда не утрачиваемая им легенда о Богородице и мистическое видение «Прекрасной Дамы» — Богородицы, сквозь которые он смотрит на все воплощения и превращения «вечно-женственного».

Легенда предшествует всякому его созерцанию действительности, и только в последнее время заметно в нем стремление к самостоятельному, к непосредственно национальному — от наших русских низов, от наших вечных «болот» — вверх, к русскому «полевому Христу»²⁶.

Блок приходит органически к тому, с чего начал Городецкий²⁷. Но у Блока это «возвращение в дорогое, родное жилище» — уже бессильное, усталое: к «подножиям своего полевого Христа» он приходит только умереть.

Жить Блок может только в «городе».

Конечно, это очень важно, как симптом общей нашей пробужденной легендой чужого Рима национализации, но для нас Блок все же останется прежде всего поэтом легенды о чудесном превращении иконы в живую женщину, о сошествии Девы с неба на землю для того, чтобы спасти от смерти нашего Христа, ибо Спаситель мира забыл спасти для русского мира самого себя... <...>

